
ИСТОРИЯ ЮГА РОССИИ: МЕМОАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

ПУКИШ Владимир Степанович
соискатель кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета
Анапа, Краснодарский край, Россия
Vladimir S. PUKISH
Competitor for Candidate Degree,
Department of Literature and Journalism,
Adyghean State University
Anapa, Krasnodar region, Russia
vpukish@mail.ru

Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого*

North Caucasus Czechs in Political Essays by Slovak Writer Peter Jilemnický

В статье анализируются публицистические очерки из циклов «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей» словацкого писателя Петра (Петера) Йилемницкого о жизни этнических чехов и словаков на Северном Кавказе в первые годы советской власти. Очерки основаны на собственных наблюдениях П. Йилемницкого.

Автор статьи впервые перевел эти очерки на русский язык.

Ключевые слова: П. Йилемницкий, чехи Северного Кавказа, циклы репортажей «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей», роман «Звонкий шаг», цикл новелл «Компас в нас».

The article analyzes social and political essays from the cycles *Two Years in the Country of the Soviets* and *On Fight and Labor of Soviet People* written by the Slovak writer Petr (Peter) Jilemnický, about the life of ethnic Czechs and Slovaks in North Caucasus in the early Soviet period. The essays were based on Jilemnický's personal observations.

The author of this article has translated these essays into Russian.

Keywords: P. Jilemnický, ethnic Czechs of North Caucasus, essay cycles *Two Years in the Country of the Soviets*, *On Fight and Labor of Soviet People*, novels *A Sprightly Step*, *The Compass in Ourselves*.

Первые компактные поселения чехов появляются на Черноморском побережье

* В отечественном литературоведении принята другая транслитерация данной фамилии - Илемницкий (Литературный энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 608). В публикации сохранена авторская транслитерация (прим. ред.).

Кавказа в 1868 г., вскоре после окончания Кавказской войны (1864) и начала российской колонизации региона. Вслед за исходом практически всех горских сообществ адыгов и абазин в Турцию на обезлюдившие земли царское правительство приглашает

крестьян из других российских губерний, а также иностранных подданных. Так в Черноморском округе (с 1896 г. – Черноморская губерния) появляются армяне, греки, немцы, молдаване, болгары, чехи, эстонцы. При этом на фоне этнического многообразия региона в целом собственно селения были этнически однородными.

К чехам-крестьянам, основавшим в регионе самостоятельно или совместно с представителями других этносов около десятка сел и хуторов, следует прибавить чехов-представителей интеллигенции, дисперсно проживавших во многих городах региона. Как правило, они работали преподавателями классических языков, музыки, физвоспитания, пивоварами и виноделами.

В самих чешских землях также не забыли о собратьях, уехавших на Северный Кавказ. К ним приезжают чешские историки и этнографы (Ян Ауэрган, Карел Хотек), поэты и писатели (Адольф Гейдук – родной брат агронома Черноморского округа Бедржиха (Федора) Гейдука, автор цикла стихотворений „Z routí na Kavkaz“ («Из путешествия на Кавказ»; Прага, 1902); Сватоплук Чех, автор романтической поэмы „Čerkes“ («Черкес»; Прага, 1880)), которые публикуют путевые и публицистические очерки, а также художественные произведения, написанные под впечатлением своего пребывания на Кавказе. Такие очерки пишут и чехи, сами длительно проживавшие в регионе (Бедржих Гейдук, его сын Ярослав Гейдук, Людовик Лат). К чехам Северного Кавказа присылают литературу и учителей для работы в школах, действовавших в чешских селах. Особенно это процесс активизировался после образования независимой Чехословацкой Республики (1918).

Таким образом, чешская колонизация Северного Кавказа нашла свое отражение в национальной литературе и – шире – собственно в культуре (от чехов Северного Кавказа нами записаны тексты песен, являющиеся местными вариантами общечешских, а также прибаутки, поговорки). Культура таких чешских анклавов несомненно является частью большой культуры Северного Кавказа, участвующая в создании общей палитры и культурного разнообразия региона.

*Петр Йилемницкий (1901-1949).
Фото 1937 г.*

В таком качестве мы и хотели бы её рассмотреть в данной статье, посвященной творчеству словацкого писателя, этнического чеха по происхождению, Петра Йилемницкого (1901–1949) (биографию см., в частности, [12]), который почти год (1926–1927 гг.) жил в чешском селе Павловке¹ Анапского округа, где работал школьным учителем.

В Советский Союз П. Йилемницкий приехал в составе чехословацкого производственного кооператива “Interhelpo” летом 1926 г. Членами этого кооператива были преимущественно жители Словакии, симпатизировавшие Советскому Союзу и пожелавшие на месте участвовать в строительстве социализма. Приехав в г. Фрунзе (ныне – Бишкек, Республика Кыргызстан), они посреди голой степи построили несколько предприятий

¹ Основано чехами и словаками – переселенцами из Австро-Венгрии – в 1870 г. Сейчас входит в состав села Варваровка (административно подчинено г.к. Анапе). Всего в Черноморском округе / губернии и Кубанской области чехи основали около десятка сел.

*Бюст Петра Йилемницкого,
скульптор Франтишек Горжава
(František Hořava), 1963 г.*

*(г. Адамов, р-н Бланско, Южноморавский край,
Чешская Республика). Фото 2011 г.*

(кожевенный и обувной заводы, ткацкую фабрику и т. д.). П. Йилемницкий ехал в Советский Союз как учитель словацкого языка. Предполагалось, что в месте назначения все дети будут обучаться на словацком языке. Однако вскоре оказалось, что обучение на словацком языке подходит не всем (хотя большинство членов кооператива были словаками, но среди них были также чехи, венгры, немцы и русины); более того, появилась потребность в обучении русскому языку, и многие родители стали требовать открытия русской школы. К этому прибавились болезнь Йилемницкого и совет врача переехать к морю [6, с. 97]. Так Йилемницкий в 1926 г. появляется в Павловке. Проработав там почти год, он осенью 1927 г. уехал в Москву, где

по ходатайству руководителей Компартии Чехословакии К. Готтвальда и А. Запотоцкого был зачислен слушателем в Государственный институт журналистики. Живя в Москве, он работал переводчиком в чехословацкой секции Коминтерна, сотрудничал со словацкой коммунистической прессой и журналом «Московская деревня».

В июне 1928 г. Йилемницкий возвращается в Чехословакию, где становится редактором словацкой коммунистической газеты «Правда». В следующий раз он приезжает в СССР в 1931 г. Во время этой поездки он посещает Москву и еще раз едет в «Interhelpo» (репортаж «В поезде Москва – Алма-Ата» [7]).

Личные впечатления писателя о жизни в СССР, в т. ч. на Северном Кавказе, легли в основу двух его крупных художественных произведений. Это – роман «Звонкий шаг» о ходе коллективизации в Павловке [8], а также цикл новелл «Компас в нас» [5]. Несмотря на то, что жанр «Звонкого шага» определен как роман, практически все его герои имеют своих реально существовавших прототипов (так, прототипом главного героя романа, Матоуша Репки, был житель Павловки Иван Матоуш, в доме которого жил Йилемницкий; учитель Михаил Петрович – литературный автопортрет самого Йилемницкого), а действие происходит в реально существующих населенных пунктах – селах Павловке, Варваровке, городах Анапе и Новороссийске...

Эти произведения, насколько нам известно, не переводились на русский язык, хотя в социалистической Чехословакии были хрестоматийными образцами словацкой литературы «социалистического реализма».

Кроме художественных произведений, жизни советского Северного Кавказа посвящен цикл публицистических репортажей П. Йилемницкого «Два года в Стране Советов» [9] (всего вышло 23 репортажа), а также отдельные очерки, повествующие о жизни причерноморской советской деревни в период после нэпа, в самом начале коллективизации. В посмертном собрании сочинений в переводе на чешский

язык, изданном в Праге в 1953 г., опубликовано 19 таких очерков, тематически объединенных заголовком «О борьбе и труде советских людей» [3]. В другие тома указанного собрания сочинений вошли также различные политические статьи автора на советскую тематику.

Тематика репортажей циклов «Два года в Стране Советов» и «О борьбе и труде советских людей» разнообразна: политическое положение в СССР «в окружении вражеских стран» во второй половине 1920-х гг.; процессы коллективизации и жизни на селе в целом; путевые заметки и встречи пассажира поезда Москва – Алма-Ата и Москва – Новороссийск; быт студента Государственного института журналистики, и т. д.

Мы отобрали для публикации наиболее характерные очерки из этих циклов, где речь идет непосредственно о чехах, живущих на Северном Кавказе.

Для современного читателя репортажи П. Йилемницкого ценны именно как фактические документы о жизни чехов и словаков в молодом советском государстве (Йилемницкий скрупулезно описывает дома, обустройство быта чехов, историю их приезда на Кавказ, рассказывает об их хозяйственности и т.д.), а не как высокохудожественные произведения литературы социалистического реализма, повествующие о «перерождении старой деревни в условиях уже победившего социалистического строя в деревню новую, коллективную»² (Йилемницкого как основоположника этого направления в словацкой литературе даже называли «словацким Горьким»). Тем более что сейчас уже трудно судить, когда писатель более искренен – описывая подчас нечеловеческие испытания, выпавшие на долю его земляков в условиях советской действительности, или восхищаясь успехами и мощью коммунистического строя, достигнутыми ценой таких испытаний. Вот, к примеру, в очерке «Чехи на Кавказе» он пишет, что вначале переселенцы жили в землянках, а когда «уже наступили лучшие времена и все имели крышу над

головой», построили для себя «маленький молитвенный дом». Спустя несколько лет поселенцы «построили настоящий костел», а «тот первый [молитвенный дом] переделали под школу». Далее П. Йилемницкий замечает, что строительство это было ненужным, «потому что сейчас никто туда [в костел] уже не ходит, разве что несколько старух, которые собираются по воскресеньям на его ступеньках, чтобы посудачить по старому обычаю...» [4, с. 84] А вот в очерке «Словацкий учитель за границей» и романе «Звонкий шаг» П. Йилемницкий подчеркивает как показательный и достойный уважения факт, что первые жители Павловки вначале строят здание для школы и молитвенного дома, а уже затем – жилые дома для себя [6, с. 98], [2, с. 141]...

В заключение отметим также, что словацкий язык Йилемницкого подвергался критике со стороны литературоведов [10], что неудивительно, ведь он был этническим чехом по происхождению.

Петр Йилемницкий
Из цикла репортажей
«Два года в Стране Советов»
Перевод со словацкого Владимира Пукиша

ОТЧЕТ О РАБОТЕ РИК

Дорога змеей извивалась к морю, откуда дул теплый ветер. Вся Варваровка стояла открытая этому ветру. Хаты, словно невесты перед свадьбой, – удивляюсь, как ветер пролетал над ними, не приподнимая их юбок. Затарактела одинокая телега, запряженная парой лошадей. У возницы кнут просто так, для вида. Двое пассажиров вынуждены наклоняться, чтобы слышать друг друга – так грохочет телега. Остановились перед подворьем. Залаяла собака. Выбежала чумазая ребятня.

– Комендант дома? – спросил молодой, 23-летний Иван Матвейч одного из пацанят. Иван Матвейч был председателем исполкома, комитета четырех деревень: Су-Псеха, Красно-Чеховки³, Варваровки и Сукко.

Варваровский комендант, Осип Павлович Блага, как раз вышел из хлева.

² Характеристика Б. Тругларжа, переводчика произведений П. Йилемницкого на чешский язык [11, с. 12].

³ В Красно-Чеховку (чеш. Rudá Čechovka) было переименовано в начале 1920-х гг. село Павловка. – *Здесь и далее прим. перев.*

– *Здравствуйте*⁴. А что это вы, шальные, явились внезапно, словно ветер? Прошу в дом! – сказал, протягивая руку.

– Не можем. Едем в школу и созываем собрание. А вы сообщите по деревне, чтобы собралось как можно больше граждан, – говорит товарищ Сидоров, полковник из ближайшего местечка Анапы. Анапа, приморский курорт на берегу Черного моря, является *районным центром*. Сидоров приехал к крестьянам с отчетом о работе *районного исполнительного комитета* за прошедший квартал. Приезжает так четыре раза в год в каждую деревню в *районе* без предупреждения, чтобы выслушать мнение крестьян о своей деятельности, принять предложения и указания по дальнейшей работе и скорректировать ее в интересах граждан.

Телега поехала дальше и остановилась перед школой. Вышли поздороваться две учительницы; еще были на работе, хотя солнце уже клонилось к закату. Но в воскресенье будет собрание, двадцатая годовщина революции; дети подготовили материал в школьную стенгазету каждый о своем классе. Торжественная дата. Краски, чернила, тушь – все пошло в дело. Товарищ Сидоров склонился над газетой – читал. Наконец улыбнулся:

– А кто из вас, *девочки*, эта «Пионерка»?

– Это редакторский секрет! – смело ответила одна, и было видно, что ей приятен интерес этого милого молодого товарища. А он читал дальше:

«Если бы я сегодня была в Москве и увидела в мавзолее мертвого Ильича, то сказала бы ему: «Дорогой ты наш, великий учитель, Владимир Ильич, ты нам обозначил девиз: **УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ!**»

Мы учимся, чтобы стать прочной опорой всемирного созидательного труда.

Пионерка»

Было так хорошо там, среди этих смелых, идейных детей. Между тем учительница занесла в класс лампу. Стали собираться граждане. Мужчины и женщины, старики и молодежь. Бородачи, заросшие увальни в огромных папахах и кожихах, женщины, вспотевшие, прямо с работы, в платочках, чехи,

чьи родители в большинстве своем родились уже в России; в их русском разговоре отчетливо слышался медлительный акцент родной речи.

– Товарищи, давайте начинать собрание!

Президиум усаживается за стол – и полковник Сидоров, усмехаясь, начинает говорить. У него высокий тенор, который легко возносится над шумом, кашляньем и щелканьем семечек, вонзаясь в сизый дым махорки, которую беспрерывно курили собравшиеся. Говорил он обо всем *районе*, представлял статистические данные, говорил и улыбался. Знал – можно составлять отчет, не опасаясь ничего, потому что указания шли от крестьян, а руководители их только исполняют, корректируют, направляют. Говорил о земледельческой политике, о росте числа хлеборобов-средняков, о резком сокращении процента бедняков, о налоговой политике. О том, что в России уже 25-30 процентов хлеборобов освобождены от налогов. О вытеснении частного капитала. В 1923-1924 гг. 57% мелкой торговли было в руках частного капитала, а в 1926-м уже только 39%. Объемы других видов торговли (например, смешанным товаром) за этот период снизились с 22 до 9%. В противовес этому, благодаря достижению взаимопонимания между деревнями, растет сбыт у колхозов – уверенная поступь на пути к социализации. Говорил о дефиците товаров и о политике цен и уточнял, что, несмотря на тяжелое состояние в промышленности, товарооборот растет – а цены снижаются. Отчитывался об использовании налогов, показывал, что 10% всего районного бюджета идет на здравоохранение, а 38% на культуру и образование!

Закончил. Ждет вопросы. Предложения. Критику. Расстегивает свою простую холщовую рубашку, закуривает папиросу из махорки и карандашом записывает вопросы. Граждане совещаются, спрашивают. Покуривают, щелкают семечки, улыбаются. От 42 присутствующих поступило 18 вопросов – каждый на отдельную тему и все интересные. А когда вопросов больше не стало, Сидоров снова взял слово – отвечал четко, кратко, но емко, как учитель, который любит своих учеников и хочет, чтобы им все было ясно. Была и оппозиция – вялая и несостоятельная. Он поиграл с ней, показал ошибки в суждениях, вывел на

⁴ Курсивом выделены слова, написанные по-русски латиницей в оригинале.

правильный путь. Закончил. Рассказал, как активны крестьяне в СССР, что свидетельствует о том, что они хотят быть настоящими сознательными творцами своей жизни. Их заинтересованность в промышленном производстве, здравоохранении и особенно образовании подтверждает, что они чувствуют необходимость своей связи с рабочим классом, желают быть здоровыми гражданами и семимильными шагами догнать в области культуры то, что не смогли получить при царе.

Крестьяне ведь те еще хитрецы. Никогда не раскроются полностью. Жалуются, плачут, как и везде. Но эти – спокойны духом, добрые, улыбочивые, потому что знают, что они – хозяйева своей жизни, свободные и вольные люди, чувствуют, что советская власть всерьез намерена покончить с бедствиями, причиненными мировой и гражданской войнами, и не допустить посягательств на их жизнь со стороны западной буржуазии.

СЛОВАКИ В РОССИИ

...Столько уже написано о лудильщиках с Кисуцы, старьевщиках и стекольщиках с Оравы. Рассказываешь кому-нибудь, что где-то далеко встретил словаков, и – само собой разумеется – тебя перебьют и с непреклонной уверенностью констатируют:

– А, это лудильщики из деревни Закопчье, правда?

Нет, друзья мои, это не лудильщики из Закопчья и не живодеры из Высокой. Я во время своих путешествий по Советской России за последние два года встречался с другими словаками. <...>

На Кавказе в Новороссийске мы купались в море, небо было голубым и море таким же, иностранные суда причаливали к пристани, и на них развевалась вереница разноцветных флагов.

В море, у песчаного пляжа купалась Еленка Зеленкова⁵.

Ее отец был столяром, работал на строительстве, зарабатывал на легком столярном станке по 5 рублей (85 крон) в день. Поэтому жила Еленка хорошо, на базаре мать всегда по-

купала ей черешню и абрикосы.

– А бабушка не плачет по тебе? – спрашивал я Еленку.

– Не плачет. Мы послали ей вот эту карточку... – Еленка бежит в комнату, приносит свою фотографию: такая кокетливая пухленькая девушка с огромной виноградной гроздью в руках.

– Ах! Зачем бабушке твоей плакать, если ты так хорошо живешь! – хвалю Еленку. И говорю я это не просто так – только чтобы что-нибудь сказать. Я уверен, что у бабушки, которая жила в Бановцах у Тренчина, нет причин переживать за Еленку.

– Зимой, когда будет меньше работы, поеду посмотреть мир. В Крым или в Батум, как там люди работают, – говорит отец Еленки. – Эх, братец, здесь так хорошо работается, ведь у тебя свободные руки. Можешь всю Россию пройти этими руками. Может быть, найду где-нибудь новую работу. Но не хотят меня отпускать.

Верю. У Еленки, которая весной поедет к родственникам в Бановце, хороший отец. Он не только сможет своими руками пройти всю Россию. Он – сознательный рабочий. Работает в ВКП(б) и в профсоюзах – и знаю, что если он где-нибудь скажет, что хочет поменять работу, ему везде скажут:

– Не хотим вас отпускать, товарищ Зеленка!

А когда я из Новороссийска попал дальше, в Анапский район, в «советскую Шампань» на Черноморском побережье⁶, где много чешских деревень, образцовых и чистых, познакомился я там с четвертой женой старика Веверки – была она из-под Мартина. Из Раковой или Прибовиц, уж точно не помню. Уже забыла словацкий язык, но когда я заходил к ним и читал им словацкие газеты и книги, часто в глазах этих людей блестели слезы.

Она жила так далеко от своей родины и так давно там не была. И ведь не только это.

⁶ Многие считают, что автором лозунга «Превратим Тамань в советскую Шампань!» является Н. С. Хрущев. По крайней мере, движение под таким девизом в Темрюкском районе Краснодарского края началось после его визита туда 30 сентября 1957 г. [1]. Но, как видим, Тамань так называли уже в 1920-е гг.

⁵ Чешская и словацкая женская форма фамилии *Зеленка*.

Столько всего поменялось за эти годы, таким непонятным для нее был тот бурный рост новой жизни в деревне...

Помню, как-то зимой надел старик шубу и говорит:

– Иду в Совет на собрание.

Пробормотала старуха что-то, и вдруг вылилось из нее все то, что всю жизнь ее так терзало, болело, и чему она уже не могла противиться:

– Мог бы уже и успокоиться – старый козел, а туда же, на собрание полез!

А когда уже я со стариком выходил из дома, вздохнула:

– Ох, ей-Богу, я бы уж и не вспомнила дорогу из Мартина домой...

А потом взяла книжку и стала молиться.

Я невольно вспомнил бабушку Веверку, когда в июне уезжал из Новороссийска в Москву и дальше в Чехословакию.

Еленка Зеленкова пришла на перрон с родителями и, вручая мне букет красных гвоздик, сказала:

– Передай их словацким пионерам – скажи: от Еленки!

Но букетик тот лежит, высохший, у меня дома. В Словакии мало таких детей, как та словацкая девушка в России, мало тех, кто смог бы понять смысл букетика красных гвоздик от Еленки.

По-разному живут словаки в Словакии и в России. Все зависит от страны.

А из этого следует, что такие девушки, как Еленка, никогда не превратятся в бабушку Веверку.

ЧЕХИ НА КАВКАЗЕ

Во второй половине XIX в., когда царские войска очищали Кавказ от диких, свободных горских племен, когда были уничтожены тысячи дагестанцев, курдов, черкесов, чеченцев, абхазов, – возник новый вопрос: если мы обладаем отвоеванным, своим уже Кавказом, кем мы его заселим?

А Кавказ был диким, лесистым; крутые вершины; овраги, поросшие непролазным кустарником; бурливые источники с низвергающимися водопадами, опасными тропинками – всего метр шириной; сухие, безлесные, вы-

сокие берега, а над ними синее небо, далекое, безграничное. Вопрос о заселении был решен. На Кавказ позвали иностранцев. Вот как случилось, что из Чехии из-под городов Будейовице, Клатови, Глубоке отправился в путь служивый люд из имений Шварценбергов и Лихтенштейнов; крестьяне-бедняки и батраки тоже надумали искать себе новую родину. Так они переехали из Чехии на Кавказ; были они скромными, невзыскательными людьми, поселились на взгорьях на берегу Черного моря, вблизи Новороссийска.

Во время своих дальних странствий по миру попал и я прямо от китайской границы на Кавказ, поселился в чешской деревне Красной Чеховке (так ее называли сами крестьяне после революции), где и жил одиннадцать месяцев. Сейчас я вам расскажу об этой деревне: как жили раньше и как живут сейчас.

Добрались они в эти места где-то в 1868–1870 гг. Поселились в овраге, поросшем кустарником; протекал через него небольшой ручеек. Выкопали в земле ямы, где жили два – три года, пока раскорчевывали землю, подготавливали поля, зарабатывали на самое необходимое. Потом один за другим ставили дома, такие же, как в чешских деревнях, под дощатыми стрехами. Помаленьку поднимались все выше, и, хотя было то невероятно трудное время, о котором сейчас могут рассказать разве что дед Влчек и Сланец – старейшие жители деревни, Красная Чеховка превратилась в рядную деревню.

Когда настали лучшие времена и у всех уже была крыша над головой, построили маленький молитвенный дом. А через несколько лет выстроили уже настоящий костел, а в том первом здании устроили школу. Постройка та была ненужной, потому что сейчас никто туда уже не ходит, разве что несколько старух, которые собираются по воскресеньям на его ступеньках, чтобы посудачить по старому обычаю...

Холмы и косогоры, горячее южное солнце, теплое морское небо будто бы созданы для виноградников. Чешские крестьяне научились сажать лозу. То был основной фактор, коренным образом изменивший их быт. Чувствуют себя они намного беззаботнее, веселее, даже легкомысленнее, чем чехословацкие крестьяне: сама природа идет им навстречу. У них пре-

красные сады, полные роскошными южными плодами, у них есть хлеб, вино, табак, море, солнце. Они очень трудолюбивы, и год от года живется им все лучше.

В деревне 29 домов. Дома каменные, покрыты красивой белой штукатуркой, кое-кто даже вызывал мастеров, чтобы те украсили их окна и двери орнаментом; кровли покрыты красной черепицей, некоторые – шифером; только пять изб все еще стоят под дощатой кровлей.

У крестьян-чехов – лучшие лошади в округе. Коровы пасутся на общественных пастбищах, все в одном стаде под надзором пастуха, которого нанимают на год. Часто скот пасется на пастбище всю зиму, потому что снег тут редко держится больше, чем два – три дня. Ведут молочное хозяйство; чешское масло известно на 50 километров в округ и стоит дорого.

В деревне уже почти повсеместно проведена механизация. У крестьян есть устройства для прессования вина, веялки, косилки, молочные сепараторы, аппараты для защиты винограда от вредителей. Если бы деревня и поле располагались на равнине, то был бы у них и общественный трактор. А так – на холмах – трактором пахать нельзя. Единственное, чего у них нет, – это молотилки. Почему? Вот послушайте:

В этих местах с мая по октябрь зачастую не выпадает ни капли дождя. Вечноголубое небо над вечноголубым морем. Поэтому у каждого во дворе есть большой круг земли, чистый и ровный, как стол. Это – ток. В него разбрасывают снопы, запрягают лошадей в большой каменный с острыми зубьями каток, который вращается вокруг своей оси, – а лошади бегают по кругу. Зерно вымолачивается чисто и качественно. А потом его уже провеивают на веялке.

Школа, как я уже указывал, находится в избе, которая раньше была молитвенным домом. Это очень старый и хилый домишко; отличается в худшую сторону среди прочих. Были здесь разные учителя. Были и русские, были и чехи. Все жители умели читать и писать по-чешски и по-русски. Что касается грамотности, Красная Чеховка занимает первое место в округе. Дети хорошо и с охотой учатся, ведь русская революция принесла много

нового и радостного и в школу. Русская советская школа новыми методами воспитывает настоящих идейных граждан, бесстрашных и независимых, преподает им практические навыки для дальнейшей жизни. Школьная жизнь очень разносторонняя и богатая, она использует все общественные и политические события, чтобы по ним учить детей, как правильно мыслить и давать оценку вопросам, с которыми чаще всего люди сталкиваются в жизни. Учебная программа составлена только из тех предметов и в том объеме, которые имеют определенную практическую ценность и которые не просто доступны детям, но и способны развить детский разум в единственно правильном, классовом, марксистско-ленинском духе и направлении. И так с каждым новым поколением молодежи, выходящим в свет из советской школы, приближается неминуемый крах мировой буржуазии.

У чешских крестьян есть свои представители в Совете. Есть у них свой школьный совет и комитет школьной помощи, перед которым стоит в этом [1928] году задача: постройка новой школы. Получили от местных властей бесплатно строительные материалы и кровлю; остальные стройматериалы привезут, и школу гуртом построят все жители деревни сами. В деревне есть еще хозяйственный союз взаимопомощи. Там крестьяне могут арендовать механизмы, получить зерно на посев, денежную ссуду. Такие союзы функционируют в каждой советской деревне. Есть у них и союз МКП (Международной Красной помощи)⁷.

Каково отношение чешских крестьян к советской власти? Пока было время военного коммунизма, принудительные реквизиции, было, как и везде среди крестьян: им это не нравилось. Но теперь они уже могут свободно, спокойно работать, они чувствуют, что Советы заботятся об улучшении условий жизни, помогают им не только хорошими советами, но и деньгами, оборудованием, зерном. И сейчас они уже сами следят за теми, кто хочет навре-

⁷ Международная организация помощи борцам революции (МОПР), на Западе – Международная Красная помощь, создана в конце 1922 на основе решения 4-го конгресса Коминтерна (принято по предложению Общества старых большевиков) «в целях защиты трудящихся от белого террора и помощи его жертвам»; оказывала материальную, юридическую, моральную поддержку политзаключенным, политэмигрантам и их семьям, семьям погибших революционеров.

дять этому труду Советов, не желает принять целеустремленную советскую власть и хочет посеять недоразумение. Вся деревня настроена лояльно, по-советски, на собраниях обсуждает все предписания и постановления: на выборах все стараются избрать таких депутатов, которые принесут деревне пользу, будут выражать чаяния тех, кого перемолола советская мельница, превратив в добрых, убежденных граждан, желающих работать и хозяйствовать сообща.

Эти шаги к коллективизации очень хорошо получаются в Красной Чеховке. Местные крестьяне уже и раньше привыкли работать вместе. Нужно отремонтировать дороги – работает вся деревня. Нужно привезти и распилить доски для школы – работает вся деревня. Если какой-нибудь хозяин строит новый дом, у него тоже работает вся деревня. Потом он тоже оплатит своим соседям за труд.

В прошлом году мы достигли большого успеха в коллективизации. Обсудили с гражданами и предложили им уже в этом году начать сеять «благородные» сорта зерновых. Нужно, чтобы это начала делать вся деревня, всё посеять разом, чтобы не распространялась чужеродная пыльца. Сложное задание. Сложное решение. Решили. Теперь соберут лучший урожай. Вернут государству зерновую ссуду, а оставшегося зерна будет на 50% больше, чем если бы сеяли обычные культуры.

Так живут чехи на Кавказе.

СЛОВАЦКИЙ УЧИТЕЛЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Меня пригласили сюда, чтобы я поделился своим личным опытом на тему «словацкий учитель за границей». Словацких учителей за границей много, но мой пример отличается от всех остальных. Почему? Да потому, что я стал учителем в государстве, с которым в то время у Чехословакии не было не то чтобы дружеских, но и нормальных дипломатических отношений, несмотря на то, что большая часть нашей общественности того настойчиво требовала. Я стал учителем в Советском Союзе.

Решился я на это в 1926 г. То было еще смутное время. Явственно ощущалось влияние прошедшей войны на весь мир. Постепенно затухали послевоенные революционные взрывы в Центральной Европе. Но хотя обстановка уже менялась, рабочие готовились к

новой борьбе. Батраки организовывали масштабные забастовки. Беднейшее крестьянство тоже бурлило. Не раз слышал я, как один из их лидеров восклицал: «Пусть меня повесят, если через два года не вспыхнет революция!» Рабочие массы обожествляли Советский Союз.

Бурное эхо событий в мире докатывалось и до меня. Я тогда работал учителем в Кисуцах, где жили бедные крестьяне-единоличники и откуда народ уезжал на работу в Остравский край. Я разделял со словацким рабочим людом все его нужды и чаяния и жил – и до сих пор живу – его лучшими надеждами.

В ту пору в Жилине организовали кооператив переселенцев в СССР. Назывался он «Интергелпо». Большинство его членов были из Словакии, хотя среди них были и словаки, и венгры, и немцы. Но вступали в него и жители Моравии, Чехии и Подкарпатской Руси. В апреле 1925 г. первая партия членов кооператива выехала в Среднюю Азию, в Кара-Киргизию, в город Фрунзе, где они должны были организовать промышленные предприятия и подготовить приезд следующих партий членов кооператива. Вначале было очень тяжело. Картину их героического труда я показал в своем последнем романе «Компас в нас». Здесь только упомяну, что наши земляки приехали в голую степь, где прямо-таки чудом построили первое промышленное предприятие – ничего подобного там, на монгольской границе, киргизы до тех пор не видели.

Наиболее многочисленной была вторая партия коммунаров, выехавшая из Жилины в июле 1926 г. Я тоже выехал с этой партией в качестве учителя. Было нас около 520 человек, много детей, больше всего словаков. Поэтому предполагалось открыть для всех словацкую школу. Мы везли с собой книги, словацкие учебники и все что нужно для школы. В то лето у меня не было каникул. В нашем составе, в котором мы также везли все оборудование для текстильной фабрики, машины для кожевенного производства, вальцовую мельницу и много чего еще, так вот, в нашем составе было более 50 вагонов. Дети ехали в разных вагонах вместе с родителями. На каждой крупной станции в Польше, где останавливался поезд, я собирал детей, мы знакомились, играли, вели беседы – так уже в пути создавался сплоченный коллектив. Мы разучили

коллективную речевку, что-то вроде приветствия Советскому Союзу, с которой выступили на торжественном собрании при пересечении советской границы.

Когда после почти 30-дневного путешествия мы прибыли в Кара-Киргизию, столкнулись с большими трудностями. Не хватало жилья, помещений, где бригады кооператива могли бы начать работу. С приездом полтысячи людей наступил разброд, правда, временный. Здание, ранее выделенное под школу, передали швейному цеху. Новоприбывшим негде было работать, жить и ночевать – нужно было все строить на пустом месте. Поэтому, когда я спросил, что будет со школой, получил от совета кооператива такой ответ: «Нужно построить новую. Места достаточно. Можешь начинать».

Пока другие строили новые дома и цеха, чтобы было где жить и разместить дорогое оборудование, я как мог заботился о детях. Многого сделать не получалось: стояло азиатское лето, адская пора, градусник зашкаливал. Дети, не привыкшие к такому знойному климату, стали болеть, некоторые даже умирали. У многих росло разочарование. Люди стали уезжать из кооператива.

После ужина, по окончании дневных трудов, я вместе с несколькими знакомыми копал фундамент под новую школу. Но уже тогда было ясно, что совет кооператива тщательно не продумал школьный вопрос. Среди детей были словаки, чехи, венгры, немцы и русины. Сложно было их объединить на основе какого-то одного языка обучения. Кроме того, возникла потребность в изучении русского языка. Многие начали говорить о необходимости открыть русскую школу.

А тут еще и я заболел. Доктор мне советовал уехать на море. Я выбрал себе место на Кавказе, на берегу Черного моря. Приехал в маленькую деревушку Павловку, где еще с шестидесятых годов прошлого [XIX] века жили наши земляки. Большинство там составляли чехи, меньше было словаков, подвергшихся уже чехизации, а все вместе они к тому времени уже частично и русифицировались. Ведь это было уже второе и даже третье поколение, о родине своей слышавшие только из рассказов родителей и дедов. А те, живущие там сейчас старики, прибывшие на Кавказ еще детьми, не

помнили уже свою старую родину. Когда читал я газету старушке словачке Веверке, которая приехала из Прибовиц, что у Турчанского Святого Мартина⁸, она мне говорила:

– Чудно как-то... Я, право, уже бы и не нашла дорогу домой.

Школа в деревне была маленькая, старая. На самом деле это – самое старое здание во всей деревне, разделенное сенями на две половины; в одной жил учитель, а во второй учились дети. Да, самое старое здание. Потому что когда наши земляки в прошлом веке селились на Кавказе, могли выбрать себе место по желанию: на ровной местности или в горах. Наши выбрали приморские холмы, поросшие дубовым лесом. Поэтому вначале должны были корчевать лес, превращая наделы в поле, ведь вопрос о хлебе был самым насущным. По нескольку лет вынуждены были жить в землянках: примитивных жилищах, выкопанных в земле и покрытых нехитрой кровлей. Когда с самой тяжелой работой было покончено и у них уже было какое-никакое поле, могли начать думать о строительстве домов. Лучше всего их характеризует тот достойный уважения факт, что вначале они построили школу, использовавшуюся и как молитвенный дом, – и только после этого стали строить себе дома. Можно утверждать, что нигде вокруг Новороссийска не было более красивых, благоустроенных и чистых деревень, чем те, которые основали наши соотечественники.

Квартира моя в школе была полностью благоустроена: там стояли кровать, стол и стул. Большая роскошь после того бесконечного странствования, когда дни и ночи напролет я проводил в железнодорожных вагонах. Зарплата у меня тоже была хорошая. В месяц я получал 55 рублей. 20 рублей в месяц шли на питание – гусиное, куриное мясо и сказочная морская рыба. 35 рублей оставались в кошельке. Я даже переживал, что вот-вот стану богачом.

Приехав в ту деревеньку со скрипочкой, чемоданом полным книг и ковриком, заявился у старосты. У него как раз шло собрание.

– А по-русски вы говорите? – спросили меня.

– Пока не очень, но научусь.

⁸ Ныне – г. Мартин в Словацкой Республике.

– Такой учитель нам не нужен, – заявили.

Да, приветствие было не очень. Но уже за неделю моя скрипочка все исправила.

Работал я в школе с удовольствием. Было у нас достаточно чешских учебников, которые мы получали бесплатно от «Чехословацкого союза» в Новороссийске, учебников, изданных Государственным издательством в Праге. Учиться в школе на языке, на котором разговаривали дома, детям было в диковинку; до меня там долгое время работали только русские учителя.

И сейчас мысленно вижу я, как читаю им краеведческие статьи о родине их предков, слышу, как поют они наши песни и читают стихи, вспоминаю, как родители приглашали меня к себе домой, чтобы я рассказал им о Чехословакии. И хотя в школе мы изучали еще и русский язык, географию и историю Советского Союза, не отвлекаясь от советской действительности, все же у нас было много возможностей и времени, чтобы в мыслях своих вернуться в Чехословакию и хотя бы прикоснуться к ее культуре. Каждый день не менее четверти часа посвящались у нас физкультуре. Занимались с удовольствием – занятия всегда проходили перед школой – ибо было это для учеников внове. И не только для них. Помню, как-то раз приехал к нам в школу инспектор. Странная то была инспекция! Был он русским и ни слова не понял из того, что мы учим. Поэтому решил я хотя бы показать ему, как мы занимаемся физкультурой. Дети были бесподобны! А узнав, что занимаемся мы каждый день, инспектор был в восторге. Ведь тогда еще в советских школах не было уроков физкультуры.

Из Чехословакии мне регулярно приходили газеты, с собой я также привез книги. В воскресенье мы собирались в школе, вся деревня, я им читал по главам целые романы, а после обеда организовывали дискуссии и интересные беседы. Для них все было внове. Ведь они жили там уже с шестидесятых лет прошлого века, словно камень, упавший в воду, без какой-либо связи с родиной, сохраняя только ту свою культуру, в которой были воспитаны еще их деды на старой родине. Кроме нескольких старых календарей или молитвенников не было у них ничего, отпечатанного на родине. Все остальное узнавали только из воспоминаний своих ро-

дителей – а в устах детей рассказы эти уже были приукрашены фантазией и временем. Помню, спросил меня как-то дед Влчек, приехавший на Кавказ двенадцатилетним ребенком, носят ли до сих пор пражские жандармы шляпы с петушиными хвостами. С трудом я смог ему объяснить, что такие шляпы были у австрийских жандармов. Так же тяжело было мне дать конкретное представление о Чехословакии и всем остальным жителям деревни. Они – как малюсенькая капля в бескрайнем русском море, без поддержки со стороны своей бывшей родины, без связи с ней. Сейчас советская власть уже выпускает для них чешские учебники, по мере возможности посылает в такие деревни учителей из нацменьшинств. Только художественных книг мало, а библиотек так и вовсе нет. Но, кажется мне, что это наша вина.

И хотя ясно, что эти люди уже никогда не вернуться к нам, я понял, что они стремятся соединиться с нами хотя бы душой и культурой. Они ведь одной крови с нами, и я бы очень хотел, чтобы их пожелания исполнились. Не так, как наши земляки из Павловки, к которым я случайно забрел, – я бы хотел, чтобы культурная связь с ними была организована как с нашей стороны, так возможно и со стороны наших американских земляков. Я им того желаю, как мы желаем всего самого лучшего всем нашим землякам на свете!

В юбилейный для нашей республики год атмосфера у нас далеко не радостная. Демократические права и свободы, которые наш народ завоевал на фронтах мировой войны, заплатив за них самую высокую цену, сейчас более чем когда-либо находятся под угрозой. Фашизм – доктрина, столь близкая каждому, кто в той или иной степени основывает свою мощь и материальное и духовное господство на насилии, как тайном, так и явном, – фашизм этот приготовил для нас особые обстоятельства.

Через 20 лет после окончания мировой войны, которая была торжественно объявлена последней в истории, через 20 лет после основания Лиги наций и подписания различных всеобщих пактов для достижения вечного мира мы опять сталкиваемся с надвигающейся угрозой новых, еще более страшных бедствий.

Мы хотели в эти дни подводить итоги своего двадцатилетнего труда, хотели назвать его активным, даже несмотря на то, что его результаты не во всем соответствовали нашим ожиданиям. Мы хотели строить планы нашего дальнейшего развития, укрепления республики самым безопасным способом: путем расширения и углубления демократических прав и свобод – но путь нам преградила фашистская угроза.

Мы должны были праздновать – а будем воевать. Будем отстаивать ту свободу, которая у нас есть, и то хорошее, что было сделано. Стиснув зубы, будем стоять начеку, хорошо понимая, что за самые дорогие ценности человечеству всегда приходилось воевать. Но коль история научила нас, что есть разные степени свобод и прав, то в бою против фашизма, за свободу и демократию мы должны продвигаться вперед, исключая чье-либо насилие и господство и обеспечивая постоянное и плодотворное развитие труда и духа братских народов.

Стоя на исторических перекрестках, мы должны найти для себя иной путь, поскольку тот, по которому мы шли после мировой войны, оказался ошибочным.

Выступление 1938 г.

КАНИКУЛЫ СЛУШАТЕЛЯ ЖУРНАЛИСТКИХ КУРСОВ В МОСКВЕ

В конце декабря начались зимние каникулы. Каждый ГИЖовец⁹ получил бесплатный билет туда и обратно, куда хотел поехать – и не поверите, многие поехали в Благовещенск или даже во Владивосток. Кроме бесплатного билета, мы получили отпускные и деньги на питание за те дни, пока мы не будем пользоваться студенческой столовой. Я решил поехать на Кавказ. В институте остались только те, кому довелось бы потратить все каникулы на дорогу: якут не смог бы добраться с Транссиба до Якутска по Лене, сибирякам с низовьев Оби или Енисея это бы тоже вряд ли удалось.

Совсем по-другому было во время летних каникул, которые начались в первых числах мая. Каждый старался поскорее выехать из

Москвы, потому что в Москве лето не лучше, чем в любом другом крупном городе Западной Европы. Ректорат института или сами студенты договаривались с редакциями журналов по поводу летней практики. Каждый норовил выбрать себе местечко поприятнее, и следует признать, что желание свое почти каждый смог исполнить.

Меня в то время очень привлекал очаровательный Север, где как раз начинался поллярный день с никогда не закатывающимся за горизонт солнцем, и я хотел поехать на практику в городок Мурманск, расположенный на северном побережье Кольского полуострова. Но преподаватель, ответственный за практику, сказал мне:

– Да, журнал там у них выходит, но гонорары они выплачивают селедкой. – И, усмехаясь, добавил: – Там вы вряд ли сможете прокормить себя, а то и авитаминоз заработаете.

Поэтому мы с другом поехали на юг, к Черному морю, в Новороссийск. Стали работать в редакции газеты «Красное Черноморье». Работалось нам весело – не приходилось с утра до ночи сидеть в редакции. Нет, мы бегали каждый день с шести утра до обеда, а то и дольше по городу, по разным котторам, фабрикам, цементным заводам, в порт, партийные и советские учреждения, а после обеда возвращались в редакцию, чтобы обработать собранный материал. Никогда не забуду, как начался мой первый рабочий день: в порт пришли шесть советских подводных лодок, и партийные и советские руководители, приветствовавшие их, взяли меня с собой как представителя прессы.

Наша месячная зарплата составляла 90 рублей. Это были хорошие деньги – если принять во внимание, что завтракал я за 15 копеек, обедал за 55 – 60 копеек и ужинал за 40 – 50 копеек. Но то не было жалованье «привилегированных». Товарищ Зеленка из Бановиц, вместе с которым я приехал в СССР в 1926 г. и который работал в Новороссийске столяром на стройке, в день за 7 часов получал 5 рублей. Он вместе с семьей провожал меня по окончании месячной практики на вокзал. Неожиданно оказалось, что передо мной лежит далекий путь: Новороссийск – Москва – Прага.

Отношения между студентами и преподавателями были исключительно товари-

⁹ Слушатель курсов в ГИЖе (Государственном институте журналистики).

щескими. Некий Н. Н. Никольский, преподаватель русского языка, был еще той, старой школы, но его знания, методы преподавания и дружелюбное отношение к нам способствовали тому, что нам очень нравились его занятия. Естественное преподавал у нас проф. Мештерхази, венгр по деду. Он был одним из ведущих естественников-марксистов, чье имя было известно далеко за пределами СССР. Ему всегда удавалось нас чем-то развеселить; и ручаюсь вам – если бы он объявился сейчас, одетый в гимнастерку из конопляной ткани и полосатые брюки, заправленные в широкие голенища сапог, на улицах Братиславы, все бы на него оглядывались. У него не было времени наряжаться, был весь в трудах, живой, как ртуть.

В начале года географию у нас преподавал профессор, много знавший, но мало дававший и много требовавший. Естественно, все студенты нашей группы были им недовольны. На собрании решили просить ректорат заменить преподавателя географии. Не было тут ничего личного – просто мы хотели учиться, а преподаватель был плохим. Вскоре нам дали нового. Этот, товарищ Шестернин, был уже из среды «красных профессоров» – то есть сам недавно закончил институт и к своим 25 годам стал отличным преподавателем. При нем география стала у нас любимым предметом, хотя любовь эта не мешала нам усиленно заниматься всеми остальными предметами учебного плана.

Мне приятно вспоминать всех своих Ги-Жовских преподавателей. Вам ведь хорошо известно, что в жизни студента отношение к преподавателю играет важную роль. <...>

*Národní osvobození, příloha Slovenské hlasy,
roč. VIII., č. 200,
23. VII. 1931.*

СОВТРУДШКОЛА

В каждой глухой, спрятавшейся за высокими холмами и в каждой затерявшейся в широких русских степях деревеньке есть –

Советская трудовая школа.

Есть и в нашей маленькой деревеньке такая скромная, неприметная, а все же приветливая школа. Смотрит с вершины холма на еще более высокие вершины Кавказа, умытая свежим ветерком и благодатным южным

солнцем. Солнце здесь везде, и слышно, как шумит море на расстоянии в три четверти часа ходьбы. В чешской деревеньке Павловке, или Красно-Чеховке, есть своя достойная, хоть и маленькая, но симпатичная советская трудовая школа.

Двадцать семь дней шумит она, как маленькое море. И немудрено! Наступила последняя неделя перед *революционным праздником*, и от детей требуется вся их изобретательность и все их внимание. Учебное время неограниченно. Дети внимают рассказам об империалистической войне, о Керенском. О том, как вспыхнула революция в Петрограде. Смеются, слушая, как арестовывали министров Керенского... Неодобрительно гудят, узнав, как юнкера (студенты военных училищ в царской России) скрылись за зубчатыми каменными башнями Кремля в Москве, откуда расстреляли 45 товарищей-красногвардейцев, шедших по улице мимо Кремля. «*Вот, Ильич, дорогая голова!*» – восхищаются Лениным и оценивают его первое публичное выступление на Съезде Советов, где он предложил два знаменитых декрета: I. Предложить всем воюющим сторонам немедленно прекратить военные действия и заключить мир. II. Безотлагательно и бесплатно передать крестьянам помещичьи земли.

Они – дети чешских крестьян, а все же всей душой проживают историю русской революции, их глаза блестят, когда слышат о ее победах, и искоса смотрят на юнкеров и кадетов. Ведь им известно, кое-кто из них помнит, как и что вытворяли эти кадеты, а когда объявились *краснозеленые* (большевики, скрывавшиеся в лесах), как все мужчины из деревни ходили помогать выгнать кадетов из ближайшего города Анапы.

– Наш отец тоже шел!

– От нас пошли отец и старший брат!

– Дурачок, ведь все шли, не только ваши.

Все были с красными.

– Знали, что кадеты защищают господ – а красные были за нас! За Советов!

Уже давно закончились уроки. Но в классе шумно и оживленно. Суббота – а завтра 7 ноября, пойдем в Варваровку на митинг. Одни размахивали знаменем с надписью:

*Да здравствует советская
трудовая школа!*

другие готовили лозунг из красного полотна и приклеивали на него бумажные буквы:

*Мы, дети свободного народа – все с Ок-
тябрем!*

Несколько ребят постарше работали над стенгазетой. Это такой настенный журнал, который издают при случае в каждой школе. Краски, чернила, кисти, палочки для письма, разговоры о том, чье оформление лучше, смех. Соблюдают редакторскую тайну. А ведь очень тяжело, учитывая детское любопытство, удержать в тайне, кто скрывается за смешными псевдонимами: *Балерина*, *Мышь* и т.д. Только один парень не скрывает свое имя. Он суров, малоречив, пишет кратко и лаконично. Он написал:

«Истерия западноевропейской буржуазии, нагнетаемая против СССР, вызвана единственно тем, что в нем полноправной жизнью живут рабочие и крестьяне.

Инженер».

– Это писал Станя¹⁰ Репш, это точно! – кричали вокруг.

– А ну-ка, Репшик, скажи, ты этот *Инженер*? – с любопытством вопрошают девочки. Довели его – уже не может отрицать, – говорит:

– Как хотите! Да... Мне все равно... Инженер!

(Он с удовольствием говорит по-русски – остальные же дети разговаривают на чешском).

Вечером стенгазета готова. В центре пионер поднимает красное знамя, и песня призывает всех помогать строить «Республику труда», чтобы труд управлял всем миром и всех объединил в одну семью. *В бой*, гвардия юных рабочих и крестьян!

Подготовка закончилась, но дети все не расходились.

В классе оживление и шум. Еще вчера дети соорудили сцену. Собрали в кучу все парты, на них сложили доски, а сверху все укрыли большим пологом, как телегу с сеном. Красная материя прикреплена проволокой к потолочному перекрытию – это за-

навес. По краям – одеяла учителя. *Черт его знает*, чем будет укрываться ночью!

Вечером жители деревни пришли на торжественное собрание. Ждать недолго – занавес убран, и начинается концерт.

Павловка – маленькая,

И я тоже мал.

Но все мы скажем дружно:

*Да здравствует
ИНТЕРНАЦИОНАЛ!*

Так лихо заканчивает свое выступление, первое в программе, ученица младших классов, стоя перед собравшимися, после чего все ученики хором над головами родителей поют прекрасный текст «Интернационала» на русском языке. Концерт продолжается: выходит ученица с кратким докладом, обращается к одноклассникам и выступает, выступает дерзко и выразительно. Заканчивает так:

– Товарищ Ленин говорил, что революцию делать легко, но удержать сложно. Поэтому мы будем усердно трудиться и учиться, чтобы стать надежной опорой для русской революции!

Да здравствует СССР и Коминтерн!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует юная гвардия верных ленинцев!

Концерт продолжают революционные песни – русские и чешские, дети читают стихи – по одному и хором, а затем показывают импровизированную революционную сценку из жизни деревни. Наконец – «Сказка о богатой земле бедных людей».

Нигде, кроме как в советской школе, пусть даже в самой маленькой деревне, не увидите вы такой смелости и уверенности в себе. Такое воспитание необходимо для строителя новой жизни!

* * *

В сельской советской школе есть отличный учебник под названием «Новая деревня». В нем показана вся жизнь, как она есть. Писали его писатели, учителя, крестьяне, рабочие. Все четко и ясно. Написано приятно, как милая улыбка. Но также и веско и дорого, как золото.

¹⁰ Уменьшительное от *Станислав*.

Есть у наших учеников и чешские учебники «Ráno» («Утро»). Но не хватает слов, чтобы сравнить «Ráno» с «Новой деревней!» Молодежь, которую воспитывают в советской школе советские книги, – как сладкий

орех, неподвластный испорченным зубам западноевропейской буржуазии!

*Газета Pravda («Правда»), Словакия,
10 декабря 1926 г., № 280.*

Использованная литература:

1. Снегур Я. Тост Хрущева в Ахтанизовской // Тамань. 2012. 29 сент. С. 12.
2. Jilemnický P. *Dunivý krok*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959.
3. Jilemnický P. *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
4. Jilemnický P. *Češi na Kavkaze // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
5. Jilemnický P. *Kompas v nás*. Praha: Družstevní práce, 1937.
6. Jilemnický P. *Slovenský učitel v cizině // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
7. Jilemnický P. *Ve vlaku Moskva – Alma-Ata // Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*. Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953. P. 155–160.
8. Jilemnický P. *Zuniaci krok*. Praha: L. Mazac, 1930.
9. Jilemnický P. *2 roky v kraji Sovietov*. Chicago: Slovenského ústredného kníhkupectva, 1929.
10. Peciar Š. *Ako vydávame spisy P. Jilemnického // Slovenská reč*. Ročník XVI. č. 6. 1950. P. 182–188.
11. Truhlář B. *Kroky, které duní // Jilemnický P. Dunivý krok*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. P. 12.
12. Truhlár B. *Peter Jilemnický*. Bratislava: Obzor – Tatrapress, 1971.

References:

1. Snegur, Ya., *Tost Khrushcheva v Akhtanizovskoi (Khrushchev's Toast in Akhtanizovskaya)*, *Taman*, September 29, 2012, P. 12.
2. Jilemnický, P., *Dunivý krok (A Sprightly Step)*, Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959.
3. Jilemnický, P., *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII) (Two Years in the Country of the Soviets (Writings, VIII))*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
4. Jilemnický, P., *Češi na Kavkaze (Czechs in the Caucasus)*, in *Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
5. Jilemnický, P., *Kompas v nás (Compass in Us)*, Praha: Družstevní práce, 1937.
6. Jilemnický, P., *Slovenský učitel v cizině (A Slovak Teacher Abroad)*, in *Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953.
7. Jilemnický, P., *Ve vlaku Moskva – Alma-Ata (In a Moscow – Alma-Ata Train)*, in *Dva roky v zemi Sovětů (Spisy, VIII)*, Praha: Státní nakladatelství politické literatury, 1953, pp. 155–160.
8. Jilemnický, P., *Zuniaci krok (A Sprightly Step)*, Praha: L. Mazac, 1930.
9. Jilemnický, P., *2 roky v kraji Sovietov (2 Years in Country of the Soviets)*, Chicago: Slovenského ústredného kníhkupectva, 1929.
10. Peciar, Š., *Ako vydávame spisy P. Jilemnického (How We Are to Publish the Writings by P. Jilemnický)*, in *Slovenská reč*, vol. 16, no. 6, 1950, pp. 182–188.
11. Truhlář, B., *Kroky, které duní (Steps That Rumble)*, in *Jilemnický P. Dunivý krok*, Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959, P. 12.
12. Truhlár, B., *Peter Jilemnický (Peter Jilemnický)*, Bratislava: Obzor – Tatrapress, 1971.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пукиш, В. С. Чехи Северного Кавказа в публицистике словацкого писателя Петра Йилемницкого [Электронный ресурс] / В. С. Пукиш // *Наследие веков*. – 2015. – № 4. – С. 129–143. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pukish.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Pukish, V. S., *Chekhi Severnogo Kavkaza v publitsistike slovatskogo pisatelya Petra Yilemnitskogo (North Caucasus Czechs in Political Essays by Slovak Writer Peter Jilemnický)*, *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 129–143. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Pukish.pdf. Accessed Month DD, YYYY.